

Виктор Астафьев

Ельчик-бельчик

Часть сборника
Печальный детектив (сборник)

Виктор Астафьев

Ельчик-бельчик

«ЭКСМО»

1986

Астафьев В. П.

Ельчик-бельчик / В. П. Астафьев — «Эксмо», 1986

«Ельчик-бельчик сначала не был Ельчиком-бельчиком. Он был икринкой. Ма-а-ахонькой икринкой, с пшеничное зернышко величиной и желтенькой, как пшеничное зернышко. Таких зернышек-икринок, неглубоко прикопанных в донном песке и в гальке, было очень много. И в одном таком зернышке, свернувшись кружочком, спала рыбка. Потом ей тесно стало спать кружочком. Она начала распрямляться. Слабенькая, тонюсенькая пленка икринки лопнула, и у рыбки высунулся наружу хвост. А раз хвост появился, значит, надо им что-то делать. Рыбка шевельнула хвостиком, уперлась им в дно родной речки, оттолкнулась и всплыла. Но воды много было, глубоко было, и рыбке не подняться бы наверх, не осилить течение, да икринка-то зачем? Будто надутый шарик, завязанный на голову рыбки, она поднимала его выше, дальше, и рыбка почувствовала, как ей стало легко и тепло...»

© Астафьев В. П., 1986

© Эксмо, 1986

Виктор Астафьев

Ельчик-бельчик

Ельчик-бельчик сначала не был Ельчиком-бельчиком. Он был икринкой. Ма-а-ахонькой икринкой, с пшениное зернышко величиной и желтенькой, как пшениное зернышко. Таких зернышек-икринок, неглубоко прикопанных в донном песке и в гальке, было очень много. И в одном таком зернышке, свернувшимся кружочком, спала рыбка. Потом ей тесно стало спать кружочком. Она начала распрямляться. Слабенькая, тонюсенькая пленка икринки лопнула, и у рыбки высунулся наружу хвост. А раз хвост появился, значит, надо им что-то делать. Рыбка шевельнула хвостиком, уперлась им в дно родной речки, оттолкнулась и всплыла. Но воды много было, глубоко было, и рыбе не подняться бы наверх, не осилить течение, да икринка-то зачем? Будто надутый шарик, завязанный на голову рыбки, она поднимала его выше, дальше, и рыбка почувствовала, как ей стало легко и тепло.

Рыбка еще ничего не видела, потому что голова ее, значит, и глаза ее были залеплены пленкой икринки. Не знала рыбка и того, что вместе с нею со дна реки поднялась и уплыла на прибрежную отмель, пыльно в воде клубящаяся, стайка таких же, как она, рыбок. Ничего еще не видя, не слыша, рыбки уже чувствовали страх и, похожие на серебристых мушек с одним крылышком, метались туда-сюда по отмели. Иные из них выскакивали на поверхность воды, тогда казалось, что пошел мелкий-мелкий дождик, и дождевики эти покрывали воду пугливыми кружками. Иные рыбки-мотыльки сослепу выбрасывались на камешки, на берега, на водяную траву или на застрявшую в воде коряжину и обсыхали на солнце, делались искрами, и береговые птички – трясогузки, кулики и зимородки склевывали их, питались ими.

Но вот маленькие рыбки стерли об воду остатки надоедной икринки и, увидев в первый раз в жизни свет, солнце, родную реку, заплясали, заплескались от восторга, без конца повторяя: «Как прекрасна жизнь! Как прекрасно солнце! Как прекрасна наша река!» Ельчики – сестры и братья, никогда до того не видевшие друг друга, стали знакомиться, давать друг другу имена. «Как тебя зовут?» – спросили они маленькую веселую рыбку. «Ельчик!» – радостно ответила рыбка. «Мы все ельчики!» – ответили ему братья и сестры. «Какое твое имя, скажи?» Ельчик задумался. И тут он увидел рядом с собой в светлой воде, а ельчики живут только в светлой, прозрачной воде, беленькую-беленькую рыбку, догадался, что это его тень, и радостно закричал: «Бельчик! Бельчик!»

«Ельчик-бельчик! Ельчик-бельчик!» – радостно закричали рыбки и всей семьей поспешили на отмель, к водяной травке, где много было всякого корму, и личинок, и семечек травяных, мошки и комары там падали в воду. Ельчик-бельчик метался по воде, выпрыгивал наверх, ловил мошек, собирал с травы личинок и наверхосытку отыскивал возле берега, за камешком или в заливчике травяное семечко и долго держал его во рту, будто конфетку-леденец. Такое было сладкое семечко.

Питался Ельчик-бельчик с восхода солнца и до захода солнца. И очень быстро рос. Кто хорошо ест, тот быстрее растет и становится сильным, – понял Ельчик-бельчик.

И он старался расти быстрее и стать сильным. Поэтому часто отделялся от родной стайки, не слушался маму-ельчиху и папу-ельца, которые их зорко стерегли, не позволяли удаляться в траву, в коряги и к большим камням, под которыми спал разомлевший в теплой воде налим и копался в песке речной бычок-подкаменщик. За большую голову, за неуклюжее туловище, за лохматые плавники его презрительно называли пищуженцем.

* * *

Однажды Ельчик-бельчик отбился от родной стайки, позабыл про маму-ельчиху и про папу-ельца, да и пошел путешествовать по реке. На пороге-Ревуне побывал, хотел пройти меж каменьев дальше, но вода здесь так мчалась, пенилась, кружилась, так ревела и содрогалась, что Ельчик-бельчик побоялся всего этого, полюбовался пестрыми харюзками и нарядными, как лесные красные лилии, ленками, подивился тому, как они резво тут плескались, лезли в самую струю, под водяной шум, в бой порога, шевеля, на лепестки цветов похожими, плавниками, крича друг другу: «Хорошо!» Позавидовал им, погрустил о том, что он не может здесь жить, так же вольно резвиться, да и подался вниз по реке – искать корм да чтоб побольше увидеть всяких диковин и изведать разных приключений.

Ниже порога он и заметил, как из-под большого бурого камня клубами вырывается мутная вода, кто-то под камнем пытит, роется, гребет плавниками и рылом дно реки.

«Ты кто?» – остановившись за камнем, спросил Ельчик-бельчик. «Проваливай!» – послышалось в ответ. Голос был скрипучий, недовольный. «Ладно уж. Жалко уж и сказать», – обиделся Ельчик-бельчик.

«Работаю. Корм добываю. Отвяжись и не мешай!» – «Хорошо-хорошо!» – согласился Ельчик-бельчик и, увидев в мутной воде плывущую личинку жучка-бокоплава, раскрыл рот и проглотил ее.

«Я работаю, как шахтер, в земле роюсь, – рассердился бычок-подкаменщик. – Личинку вот выкопал, а ты ее слопал! Воровать, молодой человек, стыдно! Так ты тунеядцем сделаешься, однако». – «Ой, какой вы дяденька-пищуженец, сердитый», – сказал Ельчик-бельчик.

«Не сердитый я. Труженик я. Кормилец-поилец. У меня тоже дети есть. Хар-рошенькие такие, пучеглазенькие, пузатенькие...» – Вспомнив про детей, подкаменщик сразу подобрел, крыльями смиренно зашевелил, во рту прополоскал, всю грязь из жабер вымыл, подышал ими, отряхнулся и миролюбиво уже сказал: «А по реке больно-то не шляйся. Здесь знаешь сколько всевозможной твари? И все хотят кого-нибудь поймать и слопать. Сунься вон в протоку, там, в траве речной пират – щука-подкоряжница – так и ждет, кого бы схватить и заглотить. Под листиками кувшинок ребята-окушата дежурят. Эти бандой окружают да так погонят, дай бог ноги. Они с хохотом, улюлюканьем охотничают, как на футболе. Да это все, брат, страхи не страхи. Тайменей видел?» – «Не-эт». – «Как же это ты не видел? Никому не говори, что не видел. Им чтоб почтение и трепет вокруг. Огромные они, краснобокие. Будто генералы в лампасах. А хвост у них!.. Оборони и помилуй нас, водяной! – закрестился всеми плавниками подкаменщик. – Будто лопатой вдарит таймень по воде – сразу кверху брюхом всплывешь! Тайменям все нипочем: хоть ондатра, хоть белка, хоть змея по воде плыви, птица ли какая – догонит, сцапает, только на зубах хрустнешь! Да вон они! Вон они! Наелись, в затишье идут отдохнуть. Прощай, брат! Берегись...» – и подкаменщик шустро под камень стриганул, мигом закопался, мутная вода веревочкой взвилась за его хвостом, и сделалось все шито-крыто.

А мимо оробевшего Ельчика-бельчика, лениво работая землянично-алыми плавниками, проплыли две огромные, в полбревна величиной, рыбыны. Были они осыпаны по туловищам серебром медалей и золотом орденов, спины их могучие были темны, лишь чем-то туго набитые животы были нежными, бабьими, и они бережно несли их, боясь ушибиться, не касались дна, скользили в воде хозяйски свободно, надменно, повелевающе. Ну, а хвосты – не соврал пищуженец – всем хвостам хвосты! Будто подкрашенный руль корабля, крылатый, закругленный на концах. Чуть шевельнулся хвост – и один таймень мигом оказался рядом с Ельчиком-бельчиком. Приостановился таймень, глянул на новожителя круглым, свинцом налитым взглядом, и сказал сотоварищу по речной команде: «Мал еще. Пусть подрастает. И тогда... Хо-хо! В службу пойдет, аль скушан будет». – Генерал-таймень подмигнул Ельчику-бельчику и,

чтоб припугнуть его, не иначе, хлестанул хвостом так, что Ельчика-бельчика вышибло наверх и он, кружась листочком в воздухе, летел, летел, пока обратно в воду не упал.

Генерал-таймень пошутил, конечно, да Ельчику-то-бельчику не до шуток. Никак не мог он перевернуться на живот, упереться в воду и уйти вглубь. Так и плыл на боку, беспомощный, беленький, а над рекой кружился коршун-скрипун, высматривал добычу – больную или мертвую рыбу, птенца, отбившегося от табуна или выпавшего из гнезда, мышку, обшаривающую речную траву в поисках корма. Коршун-скрипун увидел Ельчика-бельчика, спикировал вниз, притормозил над водою и схватил его когтями.

«Все! Конец! – подумал Ельчик-бельчик, – доигрался, добаловался! Мама! Папа!» – закричал он. Но мама-ельчиха и отец-елец были далеко, караулили детей своих, кормились вместе с ними, и не слышали они Ельчика-бельчика.

На этот раз спас Ельчика-бельчика случай. Коршун-скрипун увидел, что над водой бьются, черным ворохом клубятся вороны и никак не могут схватить большую, едва шевелящуюся рыбину. «Ха! Растяпы! Орать только, базарить!» – презрительно проскрипел коршун и, разжав когти, ринулся за большой рыбиной, подцепил ее острыми когтями и, крича воронам: «Фигу вам! Фигу вам!» – унес добычу в лес, голодным, зевастым коршунятам, ожидавшим папу в высоком гнезде.

Ельчик-бельчик, задохнувшийся, раненный острыми когтями коршуна-скрипуна, долго падал с неба, и когда шлепнулся в воду, ни хвостом, ни плавником пошевелить не мог. Вода кружила и несла его куда-то. Он хотя и не шевелился и едва дышал, но радовался врачующей его воде, родной реке, радовался, что остался жив, и давал себе слово: никогда больше не отбиваться от родной стайки, всегда слушаться маму-ельчиху и папу-ельца, и вообще жить смирно, служить примером родному коллективу.

Обессиленного и раненного, Ельчика-бельчика принесло в тихую протоку, затянуло под круглый лист кувшинки. Ельчик-бельчик возился под листом кувшинки, пробуя со спины опрокинуться на брюшко и плавать, как полагается всем здешним рыбам.

Любопытная трясогузка села на качающийся лист, заглянула в воду и застрекотала: «Рыбка! Рыбка! Раненый ельчик. Где его папа? Где его мама? Надо помогать ельчику! Надо помогать...» – «Как ему теперь поможешь?» – сказал задумчивый зимородок, сидевший на самом кончике ивового прутика. Зеленый, всегда нарядный, на елочную игрушку похожий, он нагнул прутик до самой воды, смотрел в нее, охотился на букашек и малявок, добывал пропитание детям. Ему было не до Ельчика-бельчика. Долговязый куличок-перевозчик, бегая по берегу, тонко причитал: «Тити-вити, тити-вити!» – что значило: «Помогите! Помогите!» Чайка-почекутиха, пролетая над протокой, покосилась и сказала: «Вот и помогите, раз вы такие добрые. Не то я его съем и тут же задом выплуну – чтоб не вольничал».

Никто не мог и не хотел помочь Ельчику-бельчику. Спасайся сам, выздоравливай сам, раз не слушался маму с папой.

Вечером на протоке открылась охота. Веселые беспощадные окуни бандой окружали и гоняли обезумевших малявок. Где-то в траве, меж коряжин, раз-другой плеснулась и кого-то поймала подкоряжница-щука. Проплывая веселой, жадной компанией мимо Ельчика-бельчика, хваткие, насытившиеся окуни притормозили, в философские рассуждения пустились: «Доходит парняга! А все отчего? Веселой жизни захотел!» И как таймени-разбойники во всю пасть – хо-хо-хо да ха-ха-ха! Подрастай, говорят, мы тебе объясним, что такое се-ля-ви... «Хо-хо-хо!.. Да он еще по-французски не волокет, робя! Научим! Объясним глыбокий смысл жизни»...

* * *

Уж солнце на закат ушло, уж все успокаивалось на протоке, когда из травы молча, незаметно выплыло, и не выплыло, – а возникло что-то такое похожее на сучковатую корягу. У коряги было плоское рыло, широченный рот, носище с загибом, сапогом, тупым покатым лбом, змеиные, в упор пронзающие глаза и пестрое хвостатое тело. «Щука это, подкоряжница!» – догадался Ельчик-бельчик и понял, что теперь уж ему совсем конец пришел.

Но подкоряжница была сыта, сон ее уже одолевал, дремота брала и, зевнув пастью, до горла усаженной шильями зубов, она протяжно, лениво и складно молвила: «Фи, мы, малявка, сыты! Мне и рот-то открывать ради такого октябренька не хотца», – и пошла было в траву, под коряги, на покой, да вспомнила, кто она такая, надо ж страху нагнать на всех обитателей протоки, чтоб не дремали попусту, чтоб дрожьмя дрожали до утра, и в такой узел воду завязала, так вдарила хвостом, что все рыбины и их детишки сыпанули в разные стороны, кто над водой, кто в воде, кто и на берег в панике выметнулся. Птицы с испугу взнялись, вороны заорали, чайка-почекутиха, пролетающая над протокой, вскрикнула: «А, чтоб ей пусто было, этой подкоряжнице!» Сделав круг над тем местом, где унялась и заснула под корягой нажравшаяся хищница, и увидев, что никакой поживы от нее не осталось, чайка-почекутиха всех пернатых обитателей берега успокоила: «Спите с миром, братья! Подкоряжница дрыхнет, таймени отдыхают», – и, опустившись на плоский камень, сама осела на подогнувшиеся лапы, замерла в чуткой дреме. И снился ей рассветный час на земле, пробуждение неба за лесом, река, усыпанная рыбой, и двое неуклюжих, на капусту похожих чаят, уснувших под кустами, на другом берегу и готовых заорать на утренней зорьке, потребовать пропитания. «Обжоры мои ненаглядные!» – умилилась чайка-почекутиха, сонно распускаясь пером и телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.